

миру, что чрез нея неприятелей наших, яко польских и других, басни и сущие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся».¹⁵

Однако воздействовать на европейскую историческую литературу и на европейскую общественную мысль нельзя было и думать, как полагал Татищев, пока «История российская» не будет переведена на какой-либо иностранный язык. Татищев писал, что это дело «необходимо для знания о том в Европе требуется».¹⁶ О переводе своей «Истории» Татищев думал и ранее, составляя ее еще на древнем наречии. Сперва он собирался свою «Историю», «перевести на французской язык, вскоре по напечатании русской сдать».¹⁷ Однако французского языка Татищев не знал. Опасаясь, чтобы переводчик в чем-либо «не погрешил», чего сам он за незнанием языка усмотреть не мог бы, Татищев «рассудил лучше на немецкой перевести». В письме 1743 г. Татищев просил Академию наук, чтобы она сыскала переводчика, которому за проезд и труды Татищев сам собирался уплатить. Как полагал теперь Татищев, его «История российская» на древнем наречии мало пригодна для целей перевода, так как перевести с древнего наречия на какой-либо другой язык «было бы многотрудно или неудобно». Однако, если его «История» будет написана на новом современном ему наречии, то тогда возможно будет «свободно на русском напечатать и на другой язык перевести, понеже гораздо вразумительнее настоящей».¹⁸

Таков был один мотив, руководивший Татищевым при сдаче им в архив первой редакции второй части его труда.

Был и другой мотив, побудивший Татищева к переработке его труда с древнего на новое наречие. Мотивом этим было стремление сделать свою «Историю» возможно более доступной для широкого круга современных ему русских читателей. Эта забота в известной мере была налицо у Татищева уже и при составлении своего труда на затруднительном для тогдашнего современника древнем наречии. Татищев оговорил в своем «Предызвещении», что в древнем наречии его «Истории» окажутся «такие слова, которые давно не употребляемы быть стали»; при этих словах Татищев обещал давать в скобках их новое значение, а затем приобщить в конце «оним алфаветическую роспись»; это должно было бы оказаться «небесполезным», с точки зрения Татищева, и для всех тех, «кому случится древние письма обрести».¹⁹ В своем позднейшем «Предызвещении» Татищев мотивировал то, что он «принужден всю ее (т. е. «Историю российскую») в настоящее

¹⁵ История российская, т. I, стр. 81.

¹⁶ Там же, стр. 91.

¹⁷ Материалы для истории имп. Академии наук, т. I. СПб., 1889, стр. 519—520.

¹⁸ Исторический архив, т. VI, стр. 250.

¹⁹ История российская, т. IV, стр. 39.